

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

МЕЛОМАНИЯ

Симфоническая загадка и симфоническое откровение

На минувшей неделе в Перми прошли два сенсационных концерта

Юлия Баталина

Когда художественный руководитель Пермского театра оперы и балета Теодор Курентзис объявил о новом формате симфонических концертов — «концерт-энтити», ни у кого не было сомнений, что начинание будет удачным: в Перми меломаны давно уже идут не на программу, а на исполнителя — в данном случае ставка была сделана на оркестр MusicAeterna, дирижёра — самого Курентзиса и солистку Полину Осетинскую. То обстоятельство, что программу зрители получат только после окончания события, лишь добавило вечеру интриги, бодрило, но никак не могло отпугнуть.

Разумеется, к программе «концерта-энтити» надо подходить изобретательно: она должна быть одновременно неожиданной, небанальной, но в то же время не разочаровывающей, не слишком «грузовой» для зрителя, который знать не знает, что за музыку будет слушать. Сразу скажем: Курентзис эту задачу выполнил и перевыполнил.

Незадолго до начала концерта зрители заключали пари, кто угадает больше названий, а потом искали подсказки: музыковед Анна Фефелова рассказывает о музыке начала XX века, на сцену выходит большой, по-настоящему симфонический оркестр — значит, музыка будет не старинная.

Пианистка выглядела, как всегда, роскошно. С новой короткой причёской, в новом дизайнерском корсетном платье (оно у неё, кажется, на каждый концерт — новое)... Полина Осетинская — из тех исполнителей, о внешнем облике которых никак не умолчишь, говоря о музыке.

Первые же фортепианные аккорды породили целый букет эмоций: наизусть, чуть ли не до боли знакомые — и в то же время абсолютно неожиданные звуки. Заключённые пари немедленно потеряли всякий смысл. Ну, всё что угодно были готовы услышать, но не Второй концерт для фортепиано с оркестром Сергея Рахманинова! Его же в Перми играет, как правило, Денис Мацуев, и публика вычила эту музыку именно в его исполнении — очень, слегка даже напоказ, эмоциональном, страстном — Мацуев так выкладывается, что в finale чуть не падает в изнеможении. Оркестр вынужден «гнаться» за исполнителем — играть громко, напористо, впечатляя публику не столько нюансами, сколько драйвом. Возможно, это поётся русская широкая душа?

Осетинская и Курентзис показали другого Рахманинова. При этом никак не сказать, что это «женский» подход против мацуевского «мужского». Скорее интеллектуальный против эмоционального. Такое впечатление, что каждый звук был обдуман и звешен, каждому было определено его место. В то же время было много лирики: в отличие от привычно-

го исполнения наиболее эмоционально звучали не громкие и быстрые, а тихие и медленные фрагменты. Оркестр Курентзиса в очередной раз порадовал своим знаменитым пианиссимо, играл безупречно, солистка соответствовала.

Это ещё раз продемонстрировало второе отделение «концерта-энтити», где снова играли Рахманинова, на сей раз Вторую симфонию. Если в первом отделении оркестр был слегка в тени солистки, то во втором развернулся во всей красе, с великолепными инструментальными соло. Особенно радовали чистотой и трогательной проникновенностью духовые.

В начале третьей — медленной — части случился музыкальный фальстарт: дирижёр не понравилось вступление, он остановил оркестр и начал заново. Это чрезвычайно редкое событие вовсе не испортило впечатления от музыки, но резко вернуло зрителям ощущение реальности, ощущение настоящего, острое чувство, что ты не запись смотришь, которую можно проиграть ещё и ещё раз, а присутствуешь на событии, которое есть только здесь и сейчас, а больше — никогда.

Следующую «энтити» Теодор Курентзис загадает пермской публике 23 декабря. Солировать будет скрипачка Патриция Копачинская.

Успех филармонического концерта с участием Юрия Башмета и Национального симфонического оркестра Республики Татарстан под управлением Александра Сладковского, который состоялся днём позже «концерта-энтити», тоже был предсказуем, но в первую очередь в силу «статусности» события: большой комплект чиновников с супругами, цветы от губернатора... Здесь можно было и забыть о качестве исполнения, достаточно было имени Башмета.

Вообще, поначалу концерт не задался: именно в этот день в Перми образовались экстремальные автомобильные пробки, и опаздывавшие зрители врывались в зал на протяжении часа! Всё это сопровождалось достаточно шумными разборками из-за занятых мест, так что небрежность исполнения соответствовала общей нервозности в зале.

Осведомлённые источники утверждают, что дирижёр был очень расстроен.

Тем поразительнее чудо, происшедшее во втором отделении концерта. Исполняли симфоническую поэму Гии Канчели «Стикс», и после окончания исполнения ничего кроме «Обалдеть!» и «Гениально!» никто не мог произнести.

Это был не просто прекрасный концерт — это было открытие, нечто запредельно прекрасное, жестокое и очищающее. В минималистичной композиции, в которой каждый звук живёт какой-то отдельной жизнью, композитор смог выразить и множество культурных ассоциаций, связанных с названием реки, отделяющей мир живых от мира мёртвых, и всю гамму эмоций, связанных с темой смерти; эмоций далеко не всегда тёмных и гнетущих — чисто, трогательно звучала тема памяти, тема всего прекрасного, о чём напоминают имена ушедших любимых; мимолётно, словно тени в раю, проплывали сквозь музыкальную ткань едва уловимые фрагменты из знакомых и любимых мелодий — символ прекрасного прошлого. Это был высочайший образец настоящей современной музыки, в которой не только звук, но и его отсутствие значит очень много: паузы здесь важны не меньше, чем музыкальные фрагменты.

Впрочем, оценки «Шедевр!» и «Потрясающе!», звучавшие в finale концерта, относились не только к произведению, но и к его интерпретации и исполнению. Сладковский совершил настоящий подвиг, мобилизовав оркестр после перерыва. Казалось, что на сцену вышел совсем другой коллектив: играли так, будто музыкантам был обещан расстрел за каждую не то что неверную, но и просто

неблестящую ноту! В «Стиксе» очень много небольших, но весьма значимых соло у самых неожиданных инструментов — например, у перкуссионных, и все они были исполнены абсолютно безупречно.

Тем поразительнее эффект, который возник, когда оркестр начинал играть тутти: отдельные звуки, как струйки,сливались в тёмное, порожистое течение подземной реки, которое словно выплескивалось в зал и заливало его. В этом эффекте «поглощения зала» огромную роль сыграл хор, состоявший из двух пермских коллективов — Уральского государственного камерного хора и академического хора «Млада». Хор блестяще подхватывал музыкальные темы оркестра, то соединяясь с ним, то вырываясь вперёд, и, между прочим, показал пианиссимо не хуже, чем у MusicAeterna.

Юрий Башмет, который солировал на альте, был тёмным ангелом этого загробного мира. Звук его инструмента то и дело пропадал, растворяясь в потоке «Стикса», но никогда не исчезал надолго — как путеводная нить, он светился в подземной темноте, напоминая о том, что где-то есть жизнь.

Пермская краевая филармония, которая устроила этот грандиозный концерт, собрала большой пермский хор и организовала его репетиции с оркестром Александра Сладковского, во всех анонсирующих материалах называемая исполнение «Стикса» не иначе как премьерой. Это изрядное лукавство: произведение написано более 10 лет назад, исполняется достаточно часто. Однако для Перми это была не просто премьера — это было открытие.